

Т. В. ЛЕОНТЬЕВА
(Екатеринбург)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СЛОВА ОБЫЧАЙ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ¹

Аннотация. В статье проводится анализ употребления слова *обычай* в текстах народных (пословиц и поговорок), песен (обрядовых и необрядовых), сказок и былин. Показано, что тексты разных фольклорных жанров имеют специфику в актуализации значений слова «обычай».

Ключевые слова: лингвофольклористика, былина, сказка, русская народная песня, поговорка, обычай.

Изучение языка русского фольклора имеет богатую традицию [Артеменко 2003; Бобунова 2004; Богатырев 1973; Климас 2005; Никитина 1997; Оссоветский 1952; Супряга 2013; Хроленко 1992 и др.]. Лингвофольклористика объясняет своеобразие семантики слова в тексте спецификой устной народной традиции, фольклорной картины мира и жанровыми особенностями. Данная работа продолжает ряд публикаций, в которых уделяется внимание контекстному анализу отдельных слов в произведениях разных жанров русского фольклора [Бобунов 2010; Праведников 2010; Решетова 2012; Холтобина 2013 и др.], и посвящена слову *обычай*.

Общепринятое русское слово *обычай* в аспекте его семантики и особенностей функционирования в разных дискурсах кажется нам чрезвычайно любопытным. Причины интереса к этому существительному становятся понятны, если принять во внимание, что в этнографических, исторических, логико-философских, социологических,

лингвистических работах, посвященных изучению обычая как феномена или соотносимых с ним языковых единиц, практически не уделяется внимания соответствующему понятию и почти не комментируется значение слова *обычай*, даже если оно употребляется в качестве термина, словно речь идет о вполне понятном читателю однозначном слове. Между тем в словаре современного русского литературного языка предлагается два значения: литер. *обычай* 'общепринятый порядок, издавна укоренившийся в быту того или иного народа, той или иной общественной группы' («У черкесов есть очень милый обычай дарить гостю все, что он похвалит, — сказал я любезно» — Купр. Олеся); (только ед.; простореч.) 'привычный образ действия, поведения; привычка, обыкновение; поведение, манера держать себя' («А у меня это дело, что не дело, Обычай мой такой: Подписано, так с плеч долой» — Гриб. Горе от ума) [ССРЛЯ, т. 8, 582]. Более того, в лексикографических источниках XI—XIX вв. у существительного *обычай* зафиксировано девять значений:

— 'обыкновение, привычка, индивидуальная особенность образа жизни человека';

— 'обиход, образ жизни членов одной общественной группы, ее быт и нравы; порядок действий, привычный всем в данном социуме';

— 'обряд, традиция, установление, особенность быта, правило, неписанный закон, признанный и принятый к исполнению в какой-либо социальной, профессиональной группе';

— 'поведение, образ жизни человека, совокупность его привычек, жизненных принципов, поступков, а также поведение, повадки животных';

— 'способ, прием выполнения деятельности, образ действий';

— 'свойство, характерная черта, сущность, природа, натура, естество (о людях, имеющих сходство по социально-физическому параметру, а также об иных физических объектах)';

— 'закон как распоряжение, положение, узаконенное светскими или духовными властями: царский указ, положение веры';

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-04-00274а «Вербальные репрезентации обычая в русском языке».

— ‘характер, нрав человека, его индивидуальные качества, влияющие на этику поведения (кротость, приветливость, немногословность и др.)’;

— ‘дело, занятие, то, что выполняется человеком по роду деятельности’.

Перечень значений, составленный нами по данным исторических словарей русского языка и словарей современного языка, неполон, поскольку в источниках такого рода обычно отсутствуют примеры фиксации лексики, представляющей устную народную традицию, а именно диалектный дискурс и язык фольклора. На фоне сказанного становится понятным интерес к реальному значению слова *обычай*, актуализируемому в текстах, особенно в народной речи.

Речевые фрагменты невозможно анализировать вне дискурса. Надо полагать, особенности употребления слова *обычай* в религиозном, современном разговорном, научном, диалектном и других дискурсах различны. В данной статье мы ограничимся обращением к устной народной традиции.

Фольклорный дискурс, безусловно, неоднороден в жанровом отношении. Для анализа микроконтекстов, включающих лексему *обычай*, мы привлекаем тексты таких жанров, как былина, сказка, народная песня, пословица. Слово *обычай* функционирует также в других жанрах, в том числе в несказочной прозе, однако в силу меньшей жанровой формализованности такие тексты содержат неспецифические словоупотребления, свойственные разговорной и диалектной речи вообще. Жанр в данном случае оказывает менее значительное влияние на семантику слова, поэтому ее анализ не обладает ценностью для выявления жанровой специфики текстов. Безусловно, в них нередко упоминаются обычаи: «Почти каждый из представленных в быличках обычаев — осколок древних ритуалов с достаточно сложной семантикой. Например, сжигание стружек, бросание в печь песчаника, фейерверком рассыпающегося в огне, использование железных предметов, т. е. предметов, прошедших обработку огнем при ковке, — все это связано с представлением об очистительной

силе огня» [Черепанова 1996, 75]. Однако при этом слово *обычай* используется нечасто, привлекается, как правило, в качестве обозначения элементов обрядовых практик, а также в составе конструкции *по обычаю* ‘как обычно’². В данной статье рассматриваются тексты с более определенной жанровой спецификой.

Обращение к текстовым ресурсам Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор»³ позволило выявить 4 былины, 9 сказок и 20 русских народных песен (за исключением повторов записей), в которых присутствует слово *обычай*. Кроме того, из сборников И. И. Иллюстрова, И. М. Снегирева выявлено более 30 пословиц и поговорок со словом *обычай*. Далее в статье будет проанализирована текстовая семантика слова *обычай* в произведениях разных жанров и показано влияние жанровых особенностей текста на смысловое наполнение слова. Симптоматично, что типовая сочетаемость слова *обычай* и тематическая принадлежность текстов весьма ограничены.

Слово *обычай* в былине. Рассмотрение семантических реализаций слова *обычай* в былинных текстах начнем с наиболее привычных для носителя современного русского языка значений.

² В текстовых материалах сборника мифологических рассказов и легенд, опубликованных О. А. Черепановой, находим всего три словоупотребления, из которых два извлечены из жития «Чудо преподобного Никодима Кожезерского о некоем старце пастыре, как его избави отъ лѣснаго демона»: «В целой волости такой обычай был. Под Рождество, под Крещение одна из девушек должна идти в байну, а там, сказывали, обдериха живет, и провести там ночь» [Черепанова 1996, 39]; «На Онеге рѣкѣ есть село Кожезерского монастыря, именуемо Кирнешки, и въ томъ селѣ по обычаю въ то лѣто пасья скоть <...> В одинъ день пась онъ но обычаю, день преклонился къ вечеру, и было поздно» [Там же, 120]. Жанр не накладывает здесь отпечатка на характер использования слова.

³ Русская литература и фольклор: фундаментальная электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/byliny/default.asp> (дата обращения: 12.04.2014).

Во-первых, слово *обычай* употребляется в былинах в значении ‘индивидуальный устойчивый повторяющийся элемент распорядка жизни человека’:

Что ведь здумалось,
 Что ведь славному богатырю-ту
 Рынде же
 Посмотрять на роскозь, на богатство то,
 На тех ли на богатырей на сильниих.
 У нево было, у князя, такие **обычай**-эт
 Ко крыльцю-то подъезжать
 ко кнеженесскому,
 Роскладывать полатки разных шелков
 [Рында 2002, 288].

Описываемая в текстовом фрагменте ситуация не имеет отношения к организации быта общины, она касается исключительно привычных, давно сложившихся в жизненной практике действий человека, которые не несут информации о характере, нраве, социальном статусе фольклорного персонажа.

Во-вторых, слово *обычай* трактуется как ‘повседневный быт людей определенного социального класса, привычный образ жизни’, ср. фрагмент из былины «Князь Роман и братья Витники»:

Король по палатушке похаживает,
 Увидел двух своих
 Витников-советников,
 Двух любезных королевских
 племянничков,
 Увидел за столами за дубовыми:
 Не пьют они, не кушают,
 Белой лебеди не рушают;
 Повешаны буйны головы
 Ниже плеч своих могучиих,
 Притуплены очи ясные во кирпичен
 пол.
 Говорил король таковы слова:
 «<...> Али ествушки мои не по нраву,
 Напиточки мои не по **обычаю**?»
 [Князь Роман 1988, 300—301].

Существенные отличия от предыдущего значения состоят здесь в том, что речь уже не идет о распорядке занятий человека (об элементе из последовательности повторяющихся событий), подразумевается, в частности, привычная пища. К тому же привычка человека предстает социально обусловленной (*напиточки не по обычаю* = «напитки

с королевского стола непривычны гостям»). Заметим, что привычка человека, закрепившаяся под влиянием повседневного быта, служит мерным эталоном при восприятии чужого, малознакомого, непривычного (отсюда оппозиция *по обычаю / не по обычаю*).

В-третьих, трактовка обычая как мерки, эталона удивительным образом выкристаллизовалась в былинке «Козарин», реализовавшись в значении ‘физическая сила, мощь (былинного богатыря)’:

Вот походит Михайло на конюшен
 двор,

Выводит зеребчика семи цепей,
 Семи как цепей, да семи розвезей,
 Овернул он зеребчика кругом себя,
 Накинул на зеребчика руку правую —
 Не мог устоять конь на резвых ногах,
 Ёсел тут жеребчик до подбрюх
 в землю.

Ему ётоя лошадь не по разуму,
 Не по тому как **обычаю** молодецкому.
 Ён выводит зеребчика девети цепей,
 Девети он цепей, девети розвезей,
 Ёвернул он зеребчика кругом себя,
 Как накинул на жеребчика руку
 правую —

Не мог устоять конь на резвых ногах,
 Ёсел тут жеребчик до колен в землю.
 Ему ётая лошадь не по разуму,
 Не по тому как **обычю** молодецкому.
 Да вывел жеребчика о двенадцеть
 цепей,
 Как двенадцети цепей, двенадцети
 розвезей,

Овернул он жеребчика кругом себя,
 Да накинул на жеребчика руку
 правую —

Не мог устоеть конь на резвых ногах,
 Осел тут жеребчик до шетоцек.
 Ему ётая лошадь как по разуму,
 По тому как **обычю** молодецкому
 [Козарин 2001, 288].

Интересно, что в качестве обозначения физической характеристики человека слово *обычай* не имеет вовсе никакой привязки к социальной семантике, прочно закрепленной за ним в сознании современного носителя русского языка, и даже к представлениям об индивидуальном распорядке жизни человека.

Наконец, предложная конструкция *(не) по обычаю* может приобретать наречное значения ‘необычайно, сильно, очень’, как в былинах «Сказание о киевских богатырях»: «*Пришли богатыри в Царьград, а в те поры у царя стол идет <...> Против царя сидит Идол богатырь. Говорит царю Константину: “Государь, вольнои он человек, попытай их о киевских богатырех, сколко их ныне у великаго князя Владимира?” Говорит Илья Муромец царю Константину: “...два богатыря, да удалы, государь, не по **обычаю!** Есть там славен богатырь Илья Муромец”*» [Сказание 1960, 155].

Здесь актуализировано параметрическое значение ‘средний, усредненный, такой, как все, среднестатистический, то есть обычный’.

Слово *обычай* в русской народной сказке. В русских сказочных текстах из четырех сборников было обнаружено девять фрагментов, включающих слово *обычай*. Из них четыре иллюстрируют прочно закрепившееся в современном русском языке значение ‘обряд, традиция, установление, особенность быта, правило, неписанный закон, признанный и принятый к исполнению в какой-либо социальной, профессиональной группе’: «*В их деревне был **обычай** справлять праздник Андрея Первозванного: соберутся девки в одну избу, напекут пампушек и гуляют целую неделю, а то и больше*» (из сказки «Упырь») [Народные русские сказки, т. 3, 70]; «*Мы выхватим ложку каши, — говорила старуха, — и побежим в погреб прихлебнуть молока. У нас во всей деревне такой **обычай***» (из «Сказки о старушке и ее сыне») [Старая погудка 2003, 154]; «*Расспросила-разведала и тотчас же приказ отдала похоронить ту девицу, как следует по **обычаю**, в мать сырой земле*» (из сказки «Волшебное зеркальце») [Народные русские сказки, т. 3, 106]; «*Есть одно дерево, подле которого стоял прежде дом его и на которое проходящие по **обычаю** бросают свои старые лапти, в память этого лапотника*» (Из сказки «Иван Грозный и лапотник») [Русские сказки 1971, 41]. Во всех примерах под *обычаем* подразумевается общее для представителей

одного социума (в контекстном окружении присутствует лексема *деревня*) действие (праздновать, хоронить, прихлебывать, бросать лапти), которое время от времени воспроизводится всеми или многими.

Акциональное значение слова *обычай* выявляется также в ходе анализа текстовых фрагментов, включающих названия людей по их социальному статусу (*помещик, князь-княжевич*) или их производные (*царский, дворянский*): «*А супруг ее, князь-княжевич Иван-королевич, по обычаю царскому, дворянскому, занимался охотой; и уж охота была, правду сказать, не нашим чета!*» (из сказки «Звериное молоко») [Народные русские сказки, т. 2, 87]; «*А **обычай** у помещиков знамо какой — приказывать*» (из сказки «Марко Богатый и Василий Бессчастный») [Народные русские сказки, т. 2, 350]. По сюжетам, человек в соответствии со своим социальным положением приказывает, охотится, то есть выполняет действия, обычные для людей этого социального класса, но не группы, не сообщества.

Поведенческая трактовка *обычая* — ‘характер, нрав человека, его индивидуальные качества, влияющие на этику поведения (кротость, приветливость, немногословность и др.)’ — представлена в текстах, микротемой которых является оценка или обсуждение качеств персонажа: «*Хитрец ты окаянный! Как на тя погляжу, из тебя прок будет. Люблю за **обычай** и за твою догадливость! Ухитрился, молодец!*» (из сказки «Попов работник») [Народные русские сказки, т. 3, 21]; «*“Чей это портрет?” — “Моей сестрицы, ваше величество!” — “Ну, господин купец, такой красоты я еще отродясь не видывал; а скажи по правде: какова она нравом и **обычаем**?” — “И тиха и чиста, как голубка!” — “Ну, коли так, быть ей царицею; возьми за себя замуж”*» (из сказки «Оклеветанная купеческая дочь») [Народные русские сказки, т. 3, 30].

Наконец, значение ‘дело, занятие, то, что выполняется человеком по роду деятельности’ реконструируется во фрагменте: «*Ты еще молод, ратное дело тебе не за **обычай***» (из сказки «Еруслан Лазаревич») [Народные рус-

ские сказки, т. 3, 357] (при условии интерпретации, что «ратное дело не является привычным для тебя занятием по молодости лет»).

Слово *обычай* в русской народной песне. Значительно большее количество употреблений слова *обычай* (23 ед.) приходится на песенные тексты.

1) В значении ‘индивидуальный устойчивый повторяющийся элемент распорядка жизни человека’ существительное *обычай* в сочетании с предложением *по* образует конструкцию с обстоятельственным значением образа действия ‘как обычно, как всегда было, как всегда делалось (этим человеком)’:

Я пойду молода въ торгъ торговать,
По **обычаю** товары закупать:
Еще что въ торгу поглянется
[Киреевский, вып. II, ч. 1, 38].

2) Другое значение слова *обычай* — ‘особенность поведения человека, характеризующая его моральный облик, нравственность’ — выявляется в следующем сюжете:

Какъ у чарочки, у серебряной,
Золотой въ вѣнчикъ.
У Никиты-то у Ефимыча
Дорогой **обычай**:
Гдѣ ни пьеть, гдѣ ѣсть,
Гдѣ ни кушаетъ сударь,
Ночевать домой ходить
[Киреевский, вып. I, 111].

Использование в этом фрагменте атрибутива *дорогой (обычай)* наряду с обращением к приему параллелизма (*золотой вѣнчик — дорогой обычай*) позволяют заключить, что упомянутой особенности поведения дается явно положительная оценка.

Приведем сходный контекст, в котором также высказывается одобрение «правильного», соответствующего нормам поведения, а именно отсутствия у человека порока пьянства, и тоже используется сочетание *обычай дорогой*:

Иванушка братецъ мой,
Приглянулся разумъ твой,
Весь **обычай** дорогой:
Ты не будешь вина пить,
Будуть дѣвушки любить
И молодушки хвалить
[Киреевский, вып. II, ч. 1, 32].

3) Третье значение слова *обычай* — ‘социовозрастной стандарт поведения: стереотипы поведения людей определенной возрастной категории и/или социального слоя (незамужней девушки, неженатого юноши, вдовы)’ — реализуется в значительном количестве текстов русских народных песен, поскольку подразумеваются разные субъекты действия. Так, в следующем текстовом фрагменте примечательна сочетаемость слова *обычай* с прилагательными *княженецкий* и *молодецкий*:

Дмитрій сударь Александровичъ
Чесаль кудри, приговариваль,
Агаѣюшкѣ выговариваль:
«Агаѣюшка, перевей кудри,
<...>Прилегайте, кудри русья
Ко мому лицу румяному!
Привыкай, душа Агаѣюшка,
Ко мому ли къ уму-разуму,
Ко мому ли къ молодецкому
Къ **обычаю** княженецкому!»
— Ужь и мнѣ ли, красной дѣвушкѣ,
Привыкать было не хотѣлось,
А хотѣлось жить у батюшки,
У сударыни у матушки.
А ужъ знать, что привыкать будетъ
Ко его ли къ уму разуму,
Что къ **обычаю** молодецкому!
[Киреевский, вып. I, 98].

Соотнесение денотата слова *обычай* с действиями человека побуждает нас предполагать, что речь будто бы ведется, как в предыдущем примере, о привычке, особенности поведения человека — фольклорного героя. Однако отличия все-таки существенны. Во-первых, подразумевается уже не одна особенность поведения (вспомним, что в предыдущей песне присутствовала выраженная ситуативная рамка: Никита Ефимыч после любых гуляний проводил ночи исключительно дома), а поведение в самом общем смысле, то есть образ жизни (неслучайно *обычай* «запараллеливается» здесь с *умом-разумом*; ср. пословицу: *что город, то норы, что деревня, то повестье, что человек, то разум* [Иллюстров 1915, 108]). Во-вторых, на первый план выдвигается не столько поведение конкретного персонажа, у которого есть

имя (*Дмитрий Александрович*), сколько типологический образ князя/молодца с характерным для него как представителя своего возраста и социального слоя поведением/образом жизни, что подтверждается противопоставлением «жить у бабушки, у сударыни у матушки — привыкать к обычаю молодецкому». Оно опирается на социальную оппозицию «своя/чужая (семья)»: в разных домах неодинаковые порядки, правила, отношения, особенности организации быта.

Социовозрастной стандарт поведения связывается и с образом молодой незамужней девушки — строптивой, своенравной, неуступчивой, балованной матушкой и бабушкой, не желающей расставаться с вольницей и не готовой принимать/перенимать чужие порядки. Приблизительно таков семантический объем устойчивого сочетания *девичий обычай*:

На дворѣ дождь, дождь не силенъ,
не дробень;
Онъ ситечкомъ сѣсть, рѣшетомъ
подсѣваетъ,

Ведромъ поливаетъ.
Братецъ сестрицу по головушкѣ

гладить:
— «Сестрица родная, расти поскорѣ!
Отдадимъ тебя замужъ и въ иную

деревню,
Не въ суютнюю семью, идѣ бьются,
дерутся,

Топорами сѣкутся, ножами рѣжутся.
Куды ни поѣду, къ сестрицѣ заѣду....
Здорово, сестрица, здорово, родная!»

— «Братецъ родимый, не дюже
здорова:

Орѣховая клѣтка не на мѣстѣ стояла;
Шелковая плетка всее ночь
прохлыстала;

Дубовыя двери всее ночь
проскрипѣли....»

— «Сестрица родная, за что жъ это
бита,

Чему учена?»

— «Братецъ родимый, за дѣвичій
обычай,

За дѣвичью хватку!
Дѣвичій **обычай** по вѣкъ не забуду;
Дѣвичью хватку по смерть
не покину!»

[Соболевский, т. II, 474].

Различия между потенциальным женихом и невестой приобретают еще более «социальное звучание», если на месте молодой — вдова:

Ты женися, ты, мой милый,
не ошибися,

Не бери ты-ж, мой милый друг,
удовку:

Да удвоушкин **обычай** не девичий:
(О)на постелюшку стелит, сама слезно
плачит,

Возголовеце вскладает, сама
возрыдает,

Сваво прежнего дружка вспоминает
[Киреевский, вып. II, ч. 2, 136];

Онъ меня ли, красну дѣвицу,
не напомнилъ,

Не напомнилъ-то онъ, душа моя,
да женился,

Не на душечкѣ вѣдь онъ на красной
на дѣвицѣ,

Но на горькой ли да злосчастной онъ
на вдовицѣ.

Что тяжель-то, тяжель у вдовушки
нравъ-**обычай**:

Что постелюшку она стелеть,
да слезно плачать,

Она плакавши, моего милаго
проклинаятъ,

А своего-то мужа прежняяго выхваляеть
[Соболевский, т. VII, 654].

Противопоставление *удвоушкина обычая* и *девичьего обычая* актуализирует разницу между жизненными позициями, опытом, поведением этих потенциальных невест (но не между их характерами!). В подобных случаях скорее можно говорить о чертах поведения, типичных для людей, образующих определенную категорию, имеющих сходство по социально-физическим параметрам.

Итак, слово *обычай* связывается с типичным (стереотипным) поведением незамужней девушки (*девичий обычай*), неженатого парня (*княженецкий/молодецкий обычай*), вдовы (*удвоушкин обычай*). Во всех случаях подчеркивается трудность создания семейного союза между людьми с разным социальным опытом, их неготовность к этому.

4) Иногда на первый план в семантике слова *обычай* выходит значение 'нрав, характер человека'. Так, инди-

видуальные проявления темперамента подразумеваются под *обычаем* в следующем тексте:

Ах, что это за разумъ и **обычай**
у меня:
Все бы у надежи я у милаго была,
Все бы вмѣстѣ съ нимъ сидѣла,
молода,
Цѣловалась, миловалася бы я,
Полюбовно бѣ разговаривала!
[Соболевский, т. V, 200].

Можно наблюдать и максимальное сближение значений 'нрав, характер человека' и 'социовозрастной стандарт поведения человека':

Ах, **обычай**, пострѣлъ бѣшенный!
Слезы катятся, играть хочется....
Отпусти, сударь батюшка, ты на улицу гулять!...
Я пошла, млада, разгулялася,
Въ зеленомъ саду разыгралася,
Все съ ребятами съ неженатыми;
Что заря пришла, я домой пошла.
<...> Мой высокъ теремъ затворяется,
Мой ревнивый мужъ подымается,
Шелковую плетъ со стола береть.
Плетка свиснула, — руда брызнула....
«Ужъ ты гдѣ была, жена
страдница?» —
— Я была, млада, въ зеленомъ саду,
Все съ ребятами съ неженатыми...
(Пѣсенникъ 1780 года, ч. IV, 157)
[Соболевский, т. II, 445].

Предметом изображения в песне выступает не уникальная история одной судьбы, а типологически повторяющаяся личная драма перехода из девичества в замужество. Личностные качества, темперамент лирической героини (смелость, бунтарский дух, свободолюбивый характер) и приобретенная привычка к определенному образу жизни, к занятиям незамужней девушки неразрывно переплетены и образуют «сплав», названный *обычаем*.

5) В ряде контекстов у слова *обычай* можно реконструировать значение, 'комплекс знаний, умений, нравственных качеств, понимания социальных ролей, готовности к их исполнению, по которому можно судить о социальной зрелости личности'. Именно совокупностью таких знаний и качеств человека

предопределены возможности его участия в социальных отношениях, в том числе готовность к созданию семьи.

Контекстным индикатором такого сложного, «синтетического» значения слова является его соседство с существительными *ум, разум*:

Молодецъ дѣвицу журиль-браниль,
Честью-лестью да подговариваль:
<<...> Не ходи, дѣвка, млада замужъ,
Не собравшись съ умомъ

да съ разумомъ,
Съ дорогимъ, дѣвка, **обычаемъ**;
Не наполнила лица бѣлаго,
Не отростила русой косы!
Неравно, дѣвка, замужъ пойдешь,
Неравень суженый достанется!
[Соболевский, т. V, 202].

Семантика неравенства (имеющего выраженный социальный привкус) здесь весьма показательна. Идея сравнения, «примеривания» друг к другу потенциальных жениха и невесты является в наибольшем числе песенных текстов. Гармоничность союза характеризуется формулами «кто-либо кому-либо в обычай или не в обычай / по обычаю или не по обычаю»:

Ахъ вы, очи, очи ясныя,
Вы глядѣли да оглядѣлися,
Вы смотрѣли да осмотрѣлися —
Не по мысли вы друга выбрали,
Не по моему по **обычаю**!
[Соболевский, т. III, 56];

Увидел его князь Ефимьяне:
«А он же ты сын мой возлюбленной!
Что ты сидишь, свет, кручинен,
Ни хлеба, ни соли не вкушаеш,
Ни сладких питъев не испиваеш,
Горючии слезы проливает?
А или тебе женитва не по думы,
Младая княгиня не в **обычай**?»
[Стих Алексия 2002, 757];

Ох, ты сизенький мой, беленький голубчик!
Ты зачем рано со тепла гнезда
солетаешь?
На кого ты меня, голубушку,
покидаешь?
Или я тебе, голубушка, не по мысли,
Не по твоёму, голубиному,
по **обычаю**?
[Киреевский, вып. II, ч. 2, 293].

В контексте сравнения обычаев как социально обусловленных наборов личных характеристик людей становится релевантной категория «нравиться/не нравиться»:

Ой ты, ладушка, сударушка моя,
Поглянулася походушка твоя,
Поглянулся твой умильный взгляд,
Поглянулся твой **обычай** дорогой!
[Соболевский, т. II, 385]

Соответственно, *тяжелым обычаем* может быть названа социальная незрелость, например неготовность незамужней девушки стать женой:

Пошелъ мой надежа-другъ по улицѣ
вдоль,
По улицѣ вдоль во крайній во дворѣ,
Во крайній во дворѣ, къ Авдотѣ
въ теремъ.
Такіе привѣты, пришедши, даетъ:
«Ахъ, всѣмъ ты мнѣ, Дунюшка,
по мысли пришла,
Однимъ *не по нраву* — **обычай** тяжель:
Когда ни приду, поры-время нѣтъ,
Все голову чешешь и косу плетешь.
Еще жъ не по мысли — уборъ твой
худой:
Что шубка на плечахъ, сама
босикомъ»
[Соболевский, т. V, 84].

В данном случае изолированное от более широкого контекстного анализа рассмотрение строки «*Одним не по нраву — обычай тяжель*» может привести к ошибочному толкованию обычая как характера. Между тем здесь достаточно свидетельств в пользу того, что речь идет об образе жизни, поведении девушки, показывающем, что она пока не готова к замужеству и будет плохой женой. По сюжету песни, девушка приводит себя в порядок только при появлении потенциального жениха, а значит, по дому обычно ходит неприбранная, неухоженная. Неопрятность, неумение ухаживать за собой расцениваются как признак бесхозяйственности, неготовности к переходу в чужой дом в качестве жены и хозяйки, социальной незрелости.

Кроме того, в песенном фольклоре частотны формулы «знать / не знать / не ведать / узнать обычай [чей-либо]»:

А тѣща-то зятя провожала,
Среди двора зятю наказала:
«<...> Поѣдешъ домой, не валяйся,
Надъ Татьянушкою не ломайся:
Вѣдь Татьяна — дитя молодое,
Ивановна не устарокъ,
Обычая твоево *не знаетъ*,
Ко нраву твоему не привыкла,
Разувать, раздѣвать не умѣеть,
Въ уста цѣловати не достанеть»
[Киреевский, вып. I, 283];

Поѣхальъ Иванушка въ монастырь
Богу молиться;
Тамъ ему Ольга споноравилась,
Тамъ ему Андреевна споноравилась.
«Ѣдь-поѣдь, татушка, да посватайся!»
«Дитятко Иванушка, какова-то она?»
«Ростомъ она, татушка, — тонка,
высока,
Ножки у ней, ножки у ней —
черевички носить,
Ручки у ней, ручки у ней — только
шелкомъ шить;
Обычаю-разуму я *не вѣдаю*;
На то есть, татушка, да темная ночь,
Есть у насъ, татушка, да темная клѣтъ,
А во той клѣти да ремяна плеть:
Сѣкану-рубану между бѣлыхъ
плечъ, —
Обычаю-разуму я *довѣдаюсь!*»
[Соболевский, т. III, 237].

Узнавание обычая упоминается, как можно увидеть, в песенных описаниях отношений молодоженов: муж и жена узнают друг друга — характеры, привычки, навыки хозяйствования, умение уступать, подчиняться, выполнять новые функции в новом социально-ролевом статусе.

Показателен включающий слово *обычай* (тоже в сочетании с *умом*, *разумом*) контекст: «*Мудрено да мудренокенько Жизнь во чужих людях... Надо мне, младехоньке, Два ума, два и разумма, Два **обычая** обонравые*» [СРНГ, т. 22, 170], где *обонравый* 'относящийся к разным традиционному установленным правилам, привычкам, порядкам'. Слово *обычай* в этой иллюстрации обозначает социально-ролевой стандарт поведения, то есть умение вести себя в соответствии с семейными порядками, традициями. Подразумевается такая

приобретенная (а потому обусловленная социумом) характеристика личности, которая касается традиционного поведения в семейной ролевой коммуникации, а именно знания о том, как следует вести себя, и соответствующего умения (навыка) соблюдения требований.

Употребление слова *обычай* в качестве обозначения сложной комплексной социально обусловленной синтетической характеристики человека, важной для создания брачного союза, кажется, является специфической чертой песенных фольклорных текстов.

Слово *обычай* в русских пословицах и поговорках. Анализ текстов малых жанров — пословиц и поговорок, включающих существительное *обычай*, — обнаруживает иные речевые стратегии говорящего. В силу высокой степени обобщения, свойственной жанру, актуализируются дифференциальные признаки понятия «обычай». Пословицы фиксируют своеобразную рефлексирующую мысль, логико-философский подход носителя русского языка к явлениям действительности, называемым *обычаем*. Материал был извлечен из сборников И. И. Иллюстрова⁴ и И. М. Снегирева, при этом отбирались не вообще пословицы, связанные с феноменом обычая (круг таких паремий очень широк, они могут включать слова *покон, закон, устав, вера, нрав, обыкновение, ряда, обрядня* и другие синонимы слова *обычай*), а только те, в которых употреблено существительное *обычай*.

Выявляются следующие черты обычая:

1) *обычай* постоянен: *Хоть к обедни не быть, а обычья не переменить; Обычай не клетка: скоро не переставишь*;

2) *обычай* характеризуется принадлежностью кому-, чему-либо, отсюда сочетаемость со словами *свой, чужой, другой*, а также наличие в контекстном окружении обозначений «области распространения» — страна, край, город, село, деревня, человек: *Какая страна, такой и обычай; Что край, то обычай,*

что народ, то и вера; Что город, то норы, что ни село, то обычай, что ни старец, то ставец; Что город, то норы, что деревня, то обычай; И город — и норы, и человек — и обычай; Человек — и обычай, конь — и норы; У Сидора обычай, у Карпа свой. Кроме того, существуют пословицы, констатирующие более чем тесную взаимосвязь двух объектов: *Железу при рати обычай бывати; Жуку нора за обычай*, — иначе говоря, наличие одного из объектов в паре является собственным свойством другого объекта;

3) *обычай* специфичен и потому обладает идентифицирующим потенциалом; отсюда отражение в пословицах и поговорках представлений о стереотипах поведения людей одной социальной группы: *Женской обычай слезами беде помогать; Казаки обычаем, что собаки; Не поп, да обычай добр*;

4) *обычай* относительно широко распространен (ср. сочетаемость: *Повальный обычай — что царский указ*);

5) *обычай* выполняет функцию ориентира, регулирующего фактора в жизни человека и общества: *В каком народе живешь, того и обычья держись; Чей хлеб ешь, того и обычай тешь; Повальный обычай — что царский указ*;

6) *обычай* древнее закона и выполняет его функции на этапе, предшествующем появлению юридических норм права: *Обычай старше закона; Старый закон — старинный обычай*;

7) *обычай* наблюдаем, поэтому может выступать предметом внешней оценки в коммуникации (дружбе, любви, при создании брачных союзов), в зависимости от этого нередко планируется дальнейшее взаимодействие между людьми или отказ от контактов: *Не сойдутся обычаи, не будут друзья; Равные обычаи, крепкая любовь*;

8) *обычай* привычен в силу высокой повторяемости: *Египту беды за обычай; Волку зима за обычай*.

Как можно видеть, различия между способами представления обычая в пословицах и поговорках, с одной стороны, и в русских народных песнях, былинах, сказках, с другой стороны, несомненны. В то время как тексты «больших жанров» не содержат выра-

женной рефлексии в отношении понятия, обозначаемого словом *обычай*, пословичный дискурс маркирует именно результат аналитического подхода — основные детерминанты понятия. Толкователем было произведено расчленение эксплицируемого содержания, поэтому в пословицах оказались перечисленными признаки понятия, его составные элементы.

При попытке ответить на вопрос о том, в каких значениях употреблено слово *обычай* в приведенных текстах малых жанров, мы попадаем в сложную ситуацию, поскольку смысловые компоненты 'постоянный', 'указывающий на принадлежность кому-л.', 'обладающий идентифицирующим потенциалом', 'имеющий широкое пространство', 'являющийся регулятором', 'древний', 'наблюдаемый', 'привычный в силу повторяемости' создают некоторый собирательный образ обычая. При этом нивелируются различия между обычаем-характером, обычаем-нравом, обычаем-привычкой, обычаем-обрядом, обычаем-элементом быта и т. д. Лишь по отношению к части пословиц и поговорок применима процедура выявления конкретного значения слова:

1) 'нрав, поведение человека' (*Не гляди на лицо, а гляди на обычай; Глаз черный, взгляд добрый, обычай волков; Наглого обычая не переменишь; Обычай бычий, а ум телячий; Обычаем крут, а задом худ; У худой рожи худой и обычай*);

2) 'социальное установление, правило, особенность быта' (*Хоть к обедни не быть, а обычья не переменить; Обычай старшие закона*);

3) 'часть ритуала' (*Обычай дорогой выпить по другой*).

Можно сделать заключение, что слово *обычай* имеет следующие значения.

В былинном дискурсе:

— 'индивидуальный устойчивый повторяющийся элемент распорядка жизни человека';

— 'повседневный быт людей определенного социального класса, привычный образ жизни';

— 'физическая сила, мощь (о богатыре)';

— 'физическая характеристика обычного человека (не богатыря)';

В сказочном дискурсе:

— 'обряд, традиция, установление, особенность быта, правило, неписанный закон, признанный и принятый к исполнению в какой-либо социальной, профессиональной группе';

— 'характер, нрав человека, его индивидуальные качества, влияющие на этику поведения (кротость, приветливость, немногословность и др.)';

— 'дело, занятие, то, что выполняется человеком по роду деятельности';

В народно-песенном дискурсе:

— 'индивидуальный устойчивый повторяющийся элемент распорядка жизни человека';

— 'особенность поведения человека в быту, характеризующая его моральный облик, нравственность';

— 'социовозрастной стандарт поведения: стереотипное поведение людей определенной возрастной категории и/или социального слоя (незамужней девушки, неженатого юноши, вдовы)';

— 'характер, нрав человека, его индивидуальные качества';

— 'комплекс знаний, умений, нравственных качеств, понимания социальных ролей, готовности к их исполнению, по которому можно судить о социальной зрелости личности; социально-ролевой стандарт поведения';

В пословичном дискурсе:

— 'нрав, поведение человека';

— 'социальное установление, правило, особенность быта';

— 'часть ритуала';

Жанровые трактовки обычая, как можно заметить, различаются. Любопытно, что только былинный эпос «равнодушен» к обычаю-нраву, в то время как в других жанрах характерологические смыслы обычая оказались устойчиво отмеченными. С другой стороны, только в былинах (нигде более) нашел выражение один из параметрических смыслов — сема меры вне социальной семантики, а именно — значение 'физическая сила человека'. Народно-песенный дискурс примечателен

вниманием к тематике заключения брачного союза между людьми, воспитанными в разных семьях, а значит, в разных обычаях. В целом в проанализированном комплексе словоупотреблений преобладающей является все-таки семантика социальной обусловленности обычая.

Значения слова *обычай*, представленные в разных типах фольклорных текстов, «смыкаются» в точке пересечения «индивидуального» (нрав — характер и склонности человека) и «социального» (создание брачного союза как акт социальный ставится в зависимость от соответствия друг другу не характеров потенциальных жениха и невесты, а именно их привычек, склонностей, обусловленных воспитанием, средой, в которой они выросли). Однако показательно жанровое различие, состоящее в несовпадении угла зрения не только на обычай, но, вероятно, и на любой объект действительности: в пословицах и поговорках мы наблюдаем максимальную отстраненность от денотата и внимание к структуре понятия, то есть попытку осмыслить составные части понятия, а былинно-песенные тексты сконцентрированы именно на частных ситуациях, собственно реализациях значений слова в речи без погружения в рефлексию относительно того, каков по существу обычай. Пословицы и поговорки имеют статус обобщений, отсюда происходит основная тактика дефинирования слова *обычай*. Былины, сказки, народные песни сохраняют сложные синтетические значения слова *обычай*, то есть такие смыслы, которые составляют своеобразие русского менталитета. Это еще раз доказывает, что исследователь, анализируя неоднородный в жанровом отношении текстовой материал, должен деликатно с ним обращаться, не допуская «насилия» в методическом плане, не стремясь добиться строгого соответствия друг другу результатов анализа текстов разных жанров.

Литература

Артеменко 2003 — *Артеменко Е. Б.* Язык русского фольклора и традиционная народная культура // Славянская традиционная

культура и современный мир. М., 2003. Вып. 5. С. 7—21.

Бобунов 2010 — *Бобунов А. М.* Наименования осадков в текстах английских и русских фольклорных песен: сопоставительный анализ // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 1. № 2. С. 151—158.

Бобунова 2004 — *Бобунова М. А.* Фольклорная лексикография: становление, теоретические основания, практические результаты и перспективы. Дисс. ... д. филол. н. Курск, 2004.

Богатырев 1973 — *Богатырев П. Г.* Язык фольклора // Вопросы русского языкознания. 1973. № 5. С. 106—116.

Иллюстров 1915 — *Иллюстров И. И.* Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках: Сборник русских пословиц и поговорок. М., 1915.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским: новая серия. М., 1911—1929. Вып. I (Песни обрядовые). М., 1911. Вып. II. Ч. 1 (Песни необрядовые). М., 1911. Вып. II. Ч. 2 (Песни необрядовые). М., 1929.

Климас 2005 — *Климас И. С.* Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика лексикологических категорий. Дисс. ... д. филол. н. Орел, 2005.

Князь Роман 1988 — Князь Роман и братья Витники // Былины. М., 1988. Т. 1. С. 300—309 (Библиотека русского фольклора).

Козарин 2001 — Козарин: [былина] № 268 // Былины: в 25 т. СПб.; М., 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. С. 288—290 (Свод русского фольклора).

Народные русские сказки — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М., 1984—1985 (Литературные памятники).

Никитина 1997 — *Никитина С. Е.* О многозначности, диффузии значений и синонимии в тезаурусе языка фольклора // Облик слова: Сборник статей памяти Д. Н. Шмелева. М., 1997. С. 360—373.

Оссовецкий 1952 — *Оссовецкий И. А.* Об изучении языка русского фольклора // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 93—112.

Праведников 2010 — *Праведников С. П.* Зеленый в русском песенном фольклоре // Традиционная культура. 2010. Т. 38. С. 68—76.

Решетова 2012 — *Решетова Е. Н.* Семантика и функции колоратива *желтый* в текстах русских и немецких народных сказок // Philologos. 2012. № 13 (2). С. 80—84.

Русские сказки 1971 — Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII века). Л., 1971.